

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ПРОЦЕСС ОСВОЕНИЯ

В статье рассматривается процесс осознания детьми различий между собственными и нарицательными существительными. На материале записей спонтанной речи детей и экспериментальных данных, с одной стороны, доказывается, что изучение ранних стадий процесса освоения личных имен детьми в сравнении с процессом освоения ими апеллятивной лексики позволяет выявить такие важнейшие особенности формирующегося языкового сознания, как способность к разграничению идентифицирующих / генерализующих языковых знаков, к выстраиванию гипо-гиперонимической иерархии имен — от индивидуального обозначения референта до максимально обобщенного его обозначения (от антропонима до различных видов апеллятивов, включающих сложные, релятивные, всецело зависящие от точки отсчета, в том числе реципрокные, языковые знаки — термины родства). С другой стороны, автор показывает, что антропоцентрический подход к личному имени как к языковому знаку, в особенности базирующийся на исследовании процесса формирования языковой личности в онтогенезе, позволяет акцентировать внимание на таких свойствах личного имени, как кореферентность личных имен и терминов родства, релятивность, а также шифтерность личных имен, т. е. зависимость выбора говорящим формы имени от отношений именуемого и именующего в иерархии социальных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, антропонимия, антропоцентрическая лингвистика, онтолингвистика, речевой онтогенез, шифтеры, релятивность.

На протяжении многих последних лет лингвисты постоянно ставят вопрос о необходимости применения антропоцентрического подхода к языковым

явлениям. При этом, однако, нередко призывы к учету данного подхода остаются на уровне деклараций. Одна из причин такого «неприменения» антропоцентрического подхода может быть определена следующим образом: «В настоящее время уже нет ничего необычного в том, что языкознание (по крайней мере, на словах) считается антропо- (а не структурно-) центрической наукой. Языковая природа грамматического явления не может быть определена без учета того, — тем более, в противоречии тому, — как эта единица представлена в индивидуальной системе носителя языка. Думается, однако, что целостной лингвистической теории, отвечающей указанному требованию, на данный момент не только не существует, но и не может быть создано, поскольку эмпирической базы для ее построения на данный момент недостаточно» [Русакова, 2013, 33].

По-видимому, признание непоследовательности применения антропоцентрического подхода, обусловленной «недостаточностью эмпирической базы», может быть распространено и на отдельные фрагменты лингвистической теории, в частности — на ономастику. С одной стороны, именно ономастика в тот период развития лингвистической теории, когда другие ее области были «нечеловеческими» (выражение С. Е. Никитиной [см.: Булыгина, 1992]), была в значительной степени обращена к человеку — хотя бы в силу того, что в ее рамках изучались, например, личные имена, т. е. имена людей. С другой стороны, и в развитии ономастики был период скорее «структурно-классификационный» (а не «человекоориентированный»), что, впрочем, является для любой серьезной науки неизбежным этапом развития: вспомним хотя бы ботанику Карла Линнея. В последние десятилетия, разумеется, ономастика, как и вся лингвистическая наука, сделала серьезные шаги в сторону антропоцентрического подхода к материалу (что, кстати, отнюдь не означает неактуальности классификационно-описательных исследований и в настоящее время). Появляется все больше научных работ, нацеленных на исследование таких ономастических проблем, как выяснение ассоциативного потенциала имен, смыслообразующего потенциала литературных онимов, выявление связей ономастики с когнитивными науками, т. е. всего того, что, по удачному выражению Т. А. Гридиной, можно назвать спектром «функционально-динамических репрезентаций знака», сопряженным с «присвоением языковых значений и форм конкретными носителями языка с учетом гендерных, возрастных, этнических, социальных, культурных, когнитивных и т. п. факторов, влияющих на ассоциативный тезаурус языковой личности» [Гридина, 2011, 219].

Однако целостной картины существования собственного имени в языковом сознании индивида, как представляется, мы пока не имеем.

Одной из важнейших «исследовательских площадок» для изучения ментальных репрезентаций собственных имен, их места в ментальном лексиконе и вообще в языковом сознании индивида является наука о речи детей — онтолингвистика. Нам неоднократно приходилось писать о важности изучения детской речи для понимания того, как формируется в сознании носителя языка ментальный

образ имени собственного, в частности — личного имени, его особый языковой статус как (относительно) жесткого десигнатора, — равно как и о важности исследования этих динамических ономастических процессов для изучения речи детей [см.: Доброва, 1989; 1990; 1991a; 1991б; 1993; 2005; Dobrova, 1993 и др.]. Нельзя не отметить, что в самое последнее время начали появляться работы, непосредственно изучающие место личных имен в языковом сознании ребенка [см.: Гридина, 2014]. Вместе с тем эта важная ономастическая проблема еще требует к себе серьезного внимания, причем в особенности — применительно к самому раннему этапу речевого онтогенеза, когда в сознании индивида происходит разграничение онимов и апеллятивов.

Итак, попытаемся понять, как происходит процесс осознания детьми специфики личных имен как языковых знаков.

На раннем этапе речевого онтогенеза дети знакомятся со всеми словами в их конкретном использовании, и потому многие существительные поначалу осознаются как своего рода личные имена: не *шкаф*, а *Шкаф* — т. е. именно тот шкаф, который стоит в комнате ребенка.

Однако вскоре, на основе практического знакомства ребенка с различными предметами и их свойствами и благодаря способности даже очень маленьких детей к генерализации, дети начинают осознавать, что во многих случаях словесная оболочка может относиться не только к одному предмету, но к целому классу однородных предметов (речь, естественно, идет о нарицательных существительных). Сложности этого этапа, относящиеся к предмету нашего обсуждения, связаны с проблемой разграничения: какие же из слов могут быть отнесены только к индивидуальным предметам, а какие — к целому классу однородных предметов. Следствием непонимания указанных различий собственных имен и нарицательных существительных являются известные в онтолингвистике казусы, когда ребенок вдруг начинает именовать всех собак *Джеками* и т. п.: ребенок еще не понимает, что область референции, например, слова *собака* не ограничивается исключительно конкретным животным, по отношению к которому оно используется, а распространяется на весь класс, — в отличие от области референции слова *Джек* — индивидуальной клички определенной собаки. В таких случаях собственное имя выступает как временный окказиональный субститут и/или синоним нарицательного существительного.

На следующем — тоже достаточно раннем — этапе речевого онтогенеза могут возникать ситуации, когда на базе личного имени ребенок формирует окказиональный языковой знак, обладающий сигнификатом, область референции которого не совпадает с областью референции его нарицательного существительного в гипо-гиперонимической иерархии. Так, приблизительно в три года мальчик Алеша вдруг начинает называть *Анечками* (имя его троюродной сестры) девочек ее возраста, причем исключительно тех, которые внешне похожи на нее (белокурые волосы, причесанные определенным образом). Следовательно, в лексиконе

ребенка формируется окказиональный апеллятив *анечка*, имеющий определенную семантическую структуру: ‘пол’, ‘возраст’, ‘цвет волос’, ‘тип прически’.

Возникает вопрос: когда, в каком возрасте дети начинают отличать личные имена от нарицательных существительных?

Серии остроумных экспериментов Дж. Маканамары [Macnamara, 1982] и Д. Г. Холла [Hall, 1993] доказывают, что уже к 17 месяцам дети (во всяком случае — англоязычные) способны различать существительные собственные и нарицательные. Наши многолетние наблюдения над спонтанной речью русских детей указывают на тот же возраст уверенного различения собственных и нарицательных существительных, почему мы, кстати, эксперименты, направленные на выявление понимания детьми личных местоимений и во многом «завязанные» на личные имена, начинали именно с детьми 18 месяцев [см., например: Доброва, 2005].

Д. Г. Холл доказал, что маленькому ребенку легче воспринять слово как личное имя, если оно относится к одному индивидууму, а не к двум. С утверждением мы согласны, поскольку обнаружили то же самое на совсем другом материале — в ходе эксперимента с русскоязычными детьми, проверявшего, в частности, способность детей воспринимать фамилии как «родовое» имя семьи (см. об этом ниже). Важно понять, почему это именно так.

Мы полагаем, что причина заключается в уже сформировавшемся умении адекватно (подчеркнем это слово) пользоваться генерализацией. Привыкнув генерализовать только в случаях, касающихся имен нарицательных, но не собственных, ребенок не склонен к генерализации, когда дело касается личных имен. Если вдуматься, возможность применять одно личное имя по отношению к разным денотатам (например, два человека с одинаковым именем) — это своего рода лингвистическая аномалия: в идеале антропонимы — это индивидуальные, и только индивидуальные имена.

В нашем экспериментальном исследовании проверялась, в частности, способность самых маленьких информантов (в возрасте до трех лет) осознать, что фамилия — это общее имя всех членов семьи. Обнаружилось, что дети испытывают в этом вопросе определенные сложности. Полагаем, что у маленьких детей сложности с определением области референции фамилий связаны именно с «лингвистическим протестом» ребенка (если перефразировать термин «грамматический протест» К. И. Чуковского) против необходимости производить генерализацию в несвойственной генерализации области — в области личных имен.

На этом этапе, как уже отмечалось, многие существительные воспринимаются ребенком как личные имена, и термины родства в этом плане не представляют исключения (*Мама* — это личное имя матери). Затем, в ходе осознания «многоименности» референта («Ту, кого я называю *бабушкой*, мама, оказывается, называет *мамой*, а папа — *Анной Ивановной*»), ребенок начинает осознавать релятивный характер термина родства. Этому способствует изменение речевой

стратегии родственников. Если раньше, находясь в поле зрения ребенка, они называли родственников, стоя на точке отсчета ребенка («*Наш папа* пришел» — об отце ребенка), то к этому моменту, интуитивно ощущая возрастающую способность ребенка понять многоименность референта, они (хотя и не во всех семьях) постепенно отказываются от такого «детского» употребления, и ребенок к этому времени начинает осознавать зависимость выбора термина родства от фокуса эмпатии.

Однако, как нам представляется, на этом этапе термин родства все же еще выступает в роли личного имени, и релятивность, которую он приобретает, — это не релятивность термина родства, а релятивность личного имени. Ребенок начинает понимать, что использование того или иного термина родства в его семье зависит от того, кто к кому обращается, и интуитивно осознавать, что выбор термина родства и/или личного имени отражает «прагматические значения, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений» (если воспользоваться терминологией А. Вежбицкой). Термины родства встают в один ряд с личными именами и приобретают своеобразную шифтерность, которая диктует выбор того или иного варианта имени (но не истинную шифтерность термина родства, обусловленную внеязыковой реальностью, — кто кому кем в семье является, в каких отношениях родства с ним находится).

Иными словами, ребенок начинает осознавать, что разные члены семьи обращаются к каждому члену семьи по-разному (и в этом ряду мирно сосуществуют различные термины родства и различные варианты личных имен), но еще не задается вопросами о причинах этих различий. Если на более раннем этапе ребенок мог даже эксплицировать протест против использования другим человеком другого термина родства по отношению к общему родственнику («Мама, почему ты называешь *бабушку мамой?!*»), то на данном этапе ребенок уже воспринимает это как данность. По-видимому, относительной легкости для ребенка в переходе на этот этап способствует то, что ему самому не надо постоянно менять лексику. Сам он по раз и навсегда установленному (с помощью взрослых) образцу называет члена семьи тем или иным термином родства, и взрослые в разговоре с ребенком (именно с ним, а не с кем-то другим в его присутствии) используют тот же термин («Передай *nane* хлеб»).

Представляется, что данная стадия знаменует собой начало «эгоцентрического» этапа в усвоении терминов родства. Интересно, что на этом этапе взрослые, окружающие ребенка, в большинстве своем убеждены, что ребенок уже освоил систему терминов родства, поскольку сам их адекватно использует. Между тем пока термины родства для ребенка — лишь разновидность личных имен, и то, что один член семьи называет, например, отцом другого члена семьи, он воспринимает просто как данность (не вдумываясь, как отмечалось выше, в причины этого). Косвенно это подтверждается, например, тем, что находящийся на этом

этапе ребенок, услышав, как какой-то ребенок назвал чужую женщину мамой, возмущается: «Почему — *мама?! Мама — моя!*».

Таким образом, при усвоении терминов родства ребенок поначалу воспринимает их как личные имена и их релятивность осознает как релятивность личных имен, при этом в основном обращая внимание на тот вариант именования родственника, который принадлежит его (ребенка) собственной точке отсчета.

Именно в этом возрасте дети обычно идут в детский сад и впервые реально сталкиваются с двух- и трехкомпонентной системой русских личных именований (имя, отчество, фамилия). Пока самому ребенку не требуется выбирать вариант именования человека: это ему навязывается взрослыми. Например, представляя ребенка, его называют по имени или по имени и фамилии, а, знакомя с воспитательницей, представляют ее ребенку с помощью сочетания имени и отчества. Ребенок же на этом этапе, очевидно, актуализируя лишь идентифицирующую функцию имени, считает достаточным использование одного слова-имени по отношению к одному человеку. Недаром мы располагаем значительной базой данных о том, как дети модифицируют имена-отчества воспитательниц, произнося их в одно слово, с одним словесным ударением: *Эмилия Николаевна — Эмикалавна* [подробнее об этом см.: Доброва, 1989; 1990]. Отчество на этом этапе еще абсолютно не осознается как имя по отцу, а фамилия — как имя семьи. Так, на вопрос экспериментатора о том, как зовут папу Анны Ивановны, ребенок, находящийся на этой стадии развития, отвечает, что не знает, так как не знаком с ним. Аналогичным образом мотивируются детьми и ответы «не знаю» на вопросы о фамилии других членов семьи.

Таким образом, выбор формы имени еще не является результатом логического умозаключения о характере отношений между говорящим и референтом имени и между референтом имени с его родственниками. Лишь на последующих стадиях развития происходит осознание, с одной стороны, семейных, родственных отношений и, с другой стороны, дейктичности, шифтерности терминов родства, их зависимости от фокуса эмпатии, а также истинной, в полном объеме, релятивности и терминов родства, и личных имен.

Итак, с одной стороны, изучение ранних стадий процесса освоения личных имен детьми в сравнении с процессом освоения ими апеллятивной лексики позволяет выявить такие важнейшие особенности формирующегося языкового сознания, как способность к разграничению идентифицирующих / генерализующих языковых знаков, к выстраиванию гипо-гиперонимической иерархии имен — от индивидуального обозначения референта и до максимально обобщенного его обозначения (от антропонима до различных видов апеллятивов, включающих сложные релятивные, всецело зависящие от точки отсчета, в том числе реципрокные, языковые знаки — термины родства).

С другой же стороны, антропоцентрический подход к личному имени как языковому знаку, в особенности базирующийся на исследовании процесса

формирования языковой личности в онтогенезе, позволяет акцентировать внимание на таких свойствах личного имени, как кореферентность личных имен и терминов родства и относительная релятивность, относительная шифтерность личных имен — как зависимость выбора говорящим формы имени от отношений именуемого и именующего в иерархии социальных отношений.

-
- Булыгина Т. В. Дейксис. Общие вопросы дейксиса. Вводные замечания // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М. : Наука, 1992. С. 154–157.
- Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 219–223.
- Гридина Т. А. «Эльбом» для Эли: личное имя собственное в языковом сознании ребенка // Вопр. ономастики. 2014. № 1 (16). С. 85–95.
- Доброва Г. Р. О специфике номинативной функции антропонимов в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения / отв. ред. С. Н. Цейтлин. Л. : Изд-во ЛГПИ, 1989. С. 83–92.
- Доброва Г. Р. Личные именованья (лингвистические особенности восприятия и воспроизведения детьми дошкольного возраста). Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990.
- Доброва Г. Р. Актуализация ассоциативной генерализующей семы при восприятии двух- и трех-компонентных антропонимов в процессе становления языкового сознания // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание : тез. докл. X Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 3–6 июня 1991 г. / редкол.: Ю. С. Сорокин (отв. ред.) и др. М. : Наука, 1991а. С. 88–90.
- Доброва Г. Р. Двухсловные личные именованья «имя + отчество» в речи детей и взрослых // Ономастика Поволжья : материалы шестой конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун, Т. П. Федянович. М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1991б. Ч. 1. С. 117–126.
- Доброва Г. Р. Основные процессы ономастического словообразования при модификации детьми имен и фамилий // Российский этнограф / отв. ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. М. : Координационно-метод. центр Ин-та этнологии и антропологии, 1993. С. 130–139.
- Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства) : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.
- Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Dobrova G. What is the personal name for a child? // Sixth International Congress for the study of child language. Trieste : University of Trieste, 1993. P. 43.
- Hall D. G. Constraints on the interpretation of proper names // The proceedings of the twenty-fifth annual child language research forum. Stanford : Center for the study of language and information, 1993. P. 118–126.
- Macnamara J. Names for things. A study of human learning. Cambridge, Mass. ; London : The MIT Press, 1982.

Рукопись поступила в редакцию 12.05.2014 г.

* * *

Доброва Галина Радмировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры языкового и литературного
образования ребенка Российского
государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена
196084, Санкт-Петербург, Московский пр.,
80; тел. 8 (812) 252 58 29
E-mail: galdobr@peterlink.ru

Dobrova, Galina Radmirovna

DrHab, Professor,
Department of Linguistic
and Literary Education of Children,
Herzen State Pedagogical University
of Russia
80, Moskovsky av., 196084, Saint Petersburg,
Russia; tel. +7 812 252 58 29
E-mail: galdobr@peterlink.ru

PERSONAL NAMES IN CHILDREN'S SPEECH: THE PROCESS OF ACQUISITION

The article discusses the process of children's understanding of the differences between proper and common names. The author emphasizes the role of the anthropocentric approach to personal names, especially when it is based on the study of the ontogenetic development of linguistic capacity focusing on the mechanisms of the formation of mental patterns of proper names, in particular — of personal names, and of their special linguistic status as (relatively) "strict" designators. Analyzing recordings of children's spontaneous speech and experimental data, the author argues that the study of the early stages of personal names acquisition, in comparison with the acquisition of common nouns, highlights such significant features of a child's developing mind as the ability to distinguish between identifying and generalizing linguistic signs, to construct hyponym/hyperonym relations going from individual to the most generalized designations (from personal name to common nouns of different kinds, including relative, completely depending on the reference point, and reciprocal ones, e. g. kinship terms). Additionally, the author shows that the anthropocentric approach emphasizes such properties of personal names as their coreferentiality, relativity and their capacity to act as semiotic shifters as far as the choice of the form of a name depends on the social relations between the speaker and his addressee and their respective positions in the social hierarchy.

К е у о р д s: Russian language, anthroponymy, anthropocentric linguistics, ontolinguistics, language ontogenesis, shifters, semantic relativity.

- Bulygina, T. V. (1992). Deixis. Obshchie voprosy deiksisa. Vvodnye zamechaniia [Deixis. General Questions of Deixis. Introductory Notes]. In T. V. Bulygina (Ed.), *Chelovecheskii faktor v iazyke. Kommunikatsiia, modal'nost', deixis* [Human Factor in Language. Communication, Modality, Deixis] (pp. 154–157). Moscow: Nauka.
- Dobrova, G. R. (1989). O spetsifike nominativnoi funktsii antroponimov v detskoj rechi [On the Specificity of the Nominative Function of Anthroponyms in Children's Speech]. In S. N. Tseitlin (Ed.), *Detskaia rech': problemy i nabludeniia* [Children's Speech: Problems and Observations] (pp. 83–92). Leningrad: Izd-vo LGPI.
- Dobrova, G. R. (1990). *Lichnye imenovaniia (lingvisticheskie osobennosti vospriiatiia i vosproizvedeniia det'mi doshkol'nogo vozrasta)* [Preschoolers' Perception and Reproducing of Personal Names]. Leningrad: LGPI im. A. I. Gertsena.

- Dobrova, G. R. (1991a). Aktualizatsiia assotsiativnoi generalizuiushchei semy pri vospriatii dvukh- i trekhkomponentnykh antroponimov v protsesse stanovleniia iazykovogo soznaniia [The Mechanisms of Generalization in the Perception of Two- and Three-Component Anthroponyms in Linguistic Ontogenesis]. In Yu. S. Sorokin (Ed.), *Psikholingvistika i mezhkul'turnoe vzaimoponimanie. Tez. dokl. X Vsesoiuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. Moskva, 3–6 iyunia 1991 g.* [Psycholinguistics and Intercultural Comprehension. Proceedings of the 10th All-Union Symposium, Moscow, 3–6 June 1991] (pp. 88–90). Moscow: Nauka.
- Dobrova, G. R. (1991b). Dvukhslovnnye lichnye imenovaniiia «imia + otchestvo» v rechi detei i vzroslykh [Two-Word Naming Patterns “Given Name + Patronym” in Children and Adults’ Speech]. In R. Sh. Dzharlygasinova, V. I. Suprun, & T. P. Fedyanovich (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy shestoi konferentsii po onomastike Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the 6th Conference] (Part 1, pp. 117–126). Moscow: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii RAN.
- Dobrova, G. R. (1993a). Osnovnye protsessy onomasticheskogo slovoobrazovaniia pri modifikatsii det'mi imen i familii [Means of Onomastic Word-Formation in Children’s Modifications of Names]. In Iu. B. Simchenko, V. A. Tishkov (Eds.), *Rossiiskii etnograf* [Russian Ethnographer] (pp. 130–139). Moscow: Koordinatsionno-metod. tsentr In-ta etnologii i antropologii.
- Dobrova, G. (1993b). What is the personal name for a child? Paper presented at the Sixth International Congress for the study of child language, Trieste, Italy.
- Dobrova, G. R. (2005). *Ontogenez personal'nogo deiksisa (lichnye mestoimeniia i terminy rodstva)* [Ontogenesis of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)] (Habilitation thesis). Saint Petersburg.
- Gridina, T. A. (2011). Etnosotsiokul'turnyi kontekst onomasticheskoi igry [Ethno- and Sociocultural Contexts of Onomastic Game]. *Politicheskaiia lingvistika*, 1, 219–223.
- Gridina, T. A. (2014). «El'bom» dlia Eli: lichnoe imia sobstvennoe v iazykovom soznanii rebenka [An “El-bum” for Elya: Given Names in the Linguistic Mind of a Child]. *Voprosy onomastiki*, 1 (16), 85–95.
- Hall, D. G. (1993). Constraints on the interpretation of proper names. In E. C. Clark (Ed.), *The proceedings of the twenty-fifth annual child language research forum* (pp. 118–126). Stanford: Center for the study of language and information.
- Macnamara, J. (1982). *Names for things. A study of human learning*. Cambridge, Mass.; London: The MIT Press.
- Rusakova, M. V. (2013). *Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo iazyka* [Issues in the Anthropological Grammar of the Russian Language]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received 12 May 2014